

Егор ИСАЕВ

«СКОЛЬКО ЗВЕЗД ГОЛУБЫХ, СКОЛЬКО СИНИХ...»

Александр Прокофьев гордился тем, что знаменитая «дорога жизни», связавшая в годы войны блокадный Ленинград со всей страной, начиналась в приладожской деревне Кобона, в той самой, где началась и его собственная дорога в жизнь, дорога в поэзию.

«Вся моя биография разошлась по стихам», — писал Прокофьев. А биография его была кровно связана с судьбами страны. Три войны выпали на долю того поколения, к которому принадлежал Прокофьев. И во всех трех он участвовал: красноармейцем, фронтовым корреспондентом, писателем.

В блокадном Ленинграде Прокофьев написал лирическую поэму «Россия», ставшую одной из вершин его творчества.

Всенародное признание получил стихотворный сборник «Приглашение к путешествию», в котором воплотились лучшие черты поэзии Прокофьева: искренность лирического чувства, песенная, народно-поэтическая природа слова, пронизанная любовью к родной земле.

Отмечая 80-летие со дня рождения Александра Прокофьева, мы публикуем сегодня статью Егора Исаева.

МИХАИЛ ИСАКОВСКИЙ, Александр Твардовский, Александр Прокофьев... Толчками сердца отзываются во мне эти имена.

Я помню их, каждого, сколько помню самого себя. Мне кажется, что они были всегда. Но сначала я знал их только через стихи, а потом знал и лично. Знал уважительно, снисходительно. На расстоянии. Расстояние сохранялось и тогда, когда мы познакомились близко. Так ученик относится к учителю, постоянно ощущая поразительный масштаб его творчества и его личности.

И они уважали друг друга — Исаковский, Твардовский и Прокофьев. Жили и работали, чувствуя присутствие друг друга в жизни и в литературе, внутренне соотнося и свою работу, и свои поступки. Их взаимная заинтересованность, пристальная и доброжелательная, хорошо была мне известна.

В нынешнем году дружно сошлись их юбилеи. В январе мы всенародно почтили Михаила Исаковского, в июне — Александра Твардовского. А теперь, в декабре, настал черед Александра Прокофьева.

Жаль только, что их с нами нет с нами...

Обращаться к поэзии Прокофьева давно стало моей душевной потребностью. Читая Прокофьева, я начинал дышать его стихами, видеть его стихами, любить его стихами. В них не было ничего от изысканной словесности, все в них было от живой жизни. Они существовали для меня, как существуют звончатый бор, или светлая река, или великое озеро...

Ладога, например.

Прокофьев был похож на вспоившую его Ладогу, на свою деревню Кобону, на ее потомственных мужиков. И еще — на свой Ленинград, на свой пролетарский Питер, на этот поистине державный город

исторических дворцов и площадей, город знаменитого Невского проспекта, который помнит и Пушкина, и Гоголя, и Достоевского, и Блока.

Вот какие дали пространства и времени соединил Прокофьев. Да не просто соединил — согласил. Согласил в себе, в своей судьбе, в своем слове.

О Прокофьеве не скажешь, что он поэт или человек глубоко деревенский или исключительно городской. Он никак не помещается в эти готовые рамки. Он всюду свой. Его слово одинаково необходимо на Ладоге, в Кобоне, и на Неве, в Ленинграде. Прокофьев — это матросы, и Прокофьев — это пролетарии, и Прокофьев — это крестьяне, но не по отдельности, а вместе, в той общности, которая зовется — народ.

Он был действительно народный. И потому истинно интеллигентный, интеллигентный по существу. Ни в осязке, ни в жесте Прокофьева не было особой изысканности. Но его интеллигентность была налицо: в поведении, в характере, в народном понимании того, что такое совесть, что такое честь, что такое достоинство, что такое красота.

А как умел Прокофьев ценить дружбу, с какой сердечностью отвечал на дружбу дружкой: щедро, открыто, простодушню! Я всегда умилялся, когда видел вместе Петруся Бровку, Петро Глебку, двух белорусов, и с ними Александра Андреевича. Это встречались ребята, стареющие ребята, седые комсомольцы. Помню их в гостинице «Москва». Они сходились в номере, как сходятся в лесу, как сходятся в поле у костра... Восторженные, ясные, добрые в слове — такие все деревенские, по-хорошему деревенские и по-хорошему городские люди.

Прокофьев много переводил. Переводил белорусов, украинцев, прибалтийских поэтов. Переводил по выбору, по любви. А уж если он любил, то от своего слова, не жалея, брал все, чтобы и в другом слове, слове народа-брата, для русского читателя распахнул близкий сердцу простор мыслей и чувств. Так и Михаил Исаковский переводил «Знамя бригады» Аркадия Кулешова, так и Александр Твардовский переводил Тараса Шевченко.

Прокофьев — человек глубокой и органичной душевной

культуры. Культуры не набранной, а воспитанной. Культуры не напоказ, а на жизнь. Эта культура становилась его натурой, его нервом, его поступком. И так же чуждо всякой искусственности его слово. Сколько в нем светлой ярости, сколько молодого кипения, сколько силы и удалости, составляющих вспомнить Бориса Корнилова, Бориса Ручьева, Павла Васильева. И, конечно, Маяковского. Это у них, как и у Прокофьева, энергично расплескался в стихах живой разговорный язык, язык улицы. Это в нем открыли они свои крутые интонации, смысловую броскость, поговорочную образность. Это от их стихов идет ощущение образа как энергии, как взрыва.

Для Прокофьева нет слова, лишённого образной выразительности. У него любое слово, даже самое спокойное, может взорваться смыслом. Как, например, фамилия легендарного разведчика Николая Кузнецова:

Автоматы и обрезы
Били в друга моего,
...Дайте мне кусок железа
Из фамилии его!

И самое обычное довичье имя может осветиться вдруг внутренним светом:

Развернись, гармоника,
по столику,
Я тебя, как песню, подниму,
Выходила

тоненькая-тоненькая,
Тоней называлась потому.

Прокофьев никогда не писал от одного умения. Он писал только тогда, когда знал, любил, перечувствовал. Как у всякого большого поэта, была у него своя заповедная тема — тема Родины. И когда он касался ее, свет медленной и яркой вспышки проходил по его стихам:

Сколько звезд голубых,
сколько синих,
Сколько ливней прошло,
сколько гроз,
Беловиное горло — Россия,
Велюгнегн пушиц берег.

Смею утверждать, что это уровень самых пронзительных лирических стихов Есенина.

О чем бы ни говорил Прокофьев, он говорил о любви, говорил ради любви. И этот разговор емчал у него всю жизнь. «...Давай говорить о любви» — это ведь было сказано им в годы войны. И любовь звала к солдатскому мужеству.

Сегодня я тоже говорю о любви, о моей любви, о нашей общей любви. Потому и отдаются в сердце эти имена: Михаил Исаковский, Александр Твардовский, Александр Прокофьев.